
С. М. ЗИМИН

ФИЛОСОФИЯ КАК НАУКА И КАК ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

Вопрос, является ли философия наукой, в последнее время довольно часто становится предметом обсуждения. Обратимся к этой проблеме и мы, однако прежде рассмотрим, в чём философия сходна с наукой и в чём отлична от неё.

До появления письменности более или менее надёжно запоминаться и передаваться из поколения в поколение могли лишь рифмованные поэтические тексты и несложные яркие сюжеты: легенды, мифы, сказки. Лишь появление письменности сделало возможным фиксацию текстов более сложных, менее насыщенных эмоционально.

В ряду таких текстов одними из первых стали тексты философские. Изначально философия сосредоточилась на осмыслении наиболее важных, основных проблем бытия, познания, места человека в мире, была ориентирована в основном именно на философскую парадигму, на изучение только сущности и отбрасывание всего несущественного («Многознание уму не научает»), на максимальное *обобщение* действительности. «Первая, сразу бросающаяся в глаза особенность философии, как самостоятельной области знания, состоит в том, что она является самой общей, до неопределённости общей наукой. Она стремится охватить мир в целом, в его первоосновах»¹.

Наука, как и философия, также выделяет наиболее существенное, важное, повторяющееся и формулирует на этой основе законы. Однако все прочие частности и подробности не отбрасываются, а помещаются на соответствующую «полочку» в классифицированном знании.

¹ Гусейнов А. А. Философия: между знаниями и ценностями // Философские науки. – 2001. – № 2. – С. 47.

Наука и техника стремятся к расширению знания с сохранением всех частных и подробностей, ибо без этих подробностей невозможно создание никаких технических устройств, ибо любая мелочь, не продуманная до конца, способна вывести из строя всю машину.

Отмеченное различие между философией и наукой имеет достаточно глубокую антрополого-цивилизационную подоплёку.

Отношение к познанию как к явлению преимущественно «посюстороннему», явлению сугубо человеческому (в отличие от, например, гегелевского «самопознания мирового духа»), неизбежно влекло за собой явное или неявное признание ограниченности познавательных возможностей человека, признание невозможности в полном объеме справиться со всё расширяющимся полем познания.

Отсюда следовало *два* возможных *пути* дальнейшего развития познания: аналитический и обобщённо-синтетический.

Путь первый, **аналитический**, по которому пошла наука: с одной стороны, дифференциация знания на отдельные области; с другой стороны, социализация познания, т. е. превращение его из знания личностного, индивидуального, – в знание общественное, социальное. Путь этот требовал разделения знания, разделения труда, в том числе интеллектуального.

Здесь следует отметить, например, работы Ф. Хайека, который впервые рассмотрел рынок как самоорганизующееся информационное устройство, позволяющее наиболее полно использовать *рассеянное* знание, являющееся достоянием множества индивидов. Идею разделения труда Хайек (вслед за Платоном² и др.) дополняет идеей разделения знаний. Для Хайека любой социальный институт – орудие по обнаружению, переработке и распределению информации³.

² См.: Платон. Государство // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994.

³ См.: Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытая // МэиМО. – 1989, – № 12. С. 9–10; Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 162–163.

Чем шире становилось поле знаний и умений человечества, тем на большее количество сфер знания, профессий и специальностей оно делилось. Такая дифференциация позволяла сохранять доступность знаний и умений для каждого отдельного человека за счёт всё более узкой специализации, позволяющей человеку оперировать знаниями и умениями, объём которых не превышал его интеллектуальных возможностей.

Появление письменности, книгопечатания, компьютерной техники увеличивали производительность интеллектуального труда и расширяли доступную отдельному человеку область знаний и умений, но непрекращающийся рост знания вновь всё расставлял по своим местам, снова восстанавливая более или менее узкую специализацию каждого конкретного человека на какой-либо конкретной области знаний и умений.

«... Классический рационализм и идеи редукционизма, сводящие изучение сложных систем к анализу отдельных её составляющих и структуры их взаимодействий, ознаменовали собой важнейший этап в истории не только науки, но и цивилизации. Именно им, в первую очередь, обязано современное естествознание своими основными успехами. Вероятно, рационализм и редукционизм были необходимым и неизбежным этапом развития естествознания и истории мысли. Но, как и любые плодотворные в определённых сферах идеи, научные позиции классического рационализма и редукционизма оказались не универсальными»⁴.

Наука – явление социальное, возможное лишь в результате разделения труда и разбиения мира на изучаемые отдельными науками области, сферы исследования, темы, проблемы и другие более мелкие части: «Процесс дробления наук привёл к тому, что такие понятия, как «физика», «биология», «литературоведение», да и все иные, обозначавшие не так давно различные науки, оказались собираемыми терминами для прогрессивно разветвляющихся

⁴ Моисеев Н. Н. Расставание с простотой. – М.: Аграф, 1998. С. 35.

групп специализированных научных дисциплин, взаимопонимание которых, не говоря уж о сотрудничестве, всё чаще становилось если не невозможным, то крайне трудным»⁵. Более того, уже В. Вернадский отмечал, что «мы всё больше специализируемся не по наукам, а по проблемам»⁶.

Тенденция разделения труда, специализации каждого в своей, всё более узкой сфере деятельности не только продолжается, но и прогрессирует. Так, если в начале XX века 82 % научных публикаций были «сольными», то в настоящее время не более 20–30 % научных работ принадлежит перу лишь одного автора. В физике и биологии, например, всё чаще встречаются работы, подписанные 10–20 фамилиями⁷.

«... Развитие теоретического сознания, усложнение используемых методик, становление специализированных языков науки – всё это постепенно размывало её исходный демократизм, – пишет доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургской кафедры философии РАН С. С. Гусев. – Надежда на достижение каждым учёным полного знания «обо всём» в конце концов оказалась иллюзорной. Сегодня уже даже специалисты, работающие в рамках одной и той же дисциплины, перестали воспринимать окружающий мир одинаковым образом. Например, физик, занимающийся изучением механических процессов, может не понимать результат, относящийся к движению микрочастиц. Что уж говорить о «человеке с улицы», не являющемся профессиональным учёным.

Современное познание представляет собой достаточно замкнутую область, разбитую в свою очередь на довольно слабо соотносящиеся между собой дисциплины. Об этом говорят сами профессионалы. Ограничивая свой интерес задачами, которые удалось сформулировать средствами определённой дисциплины, учёные существенным образом

⁵ Каган М. С. Философия как мировоззрение // Вопросы философии. – М., 1997. – № 9. – С. 38.

⁶ Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. Гл. 50 / Отв. ред. А. Л. Яншин; АН СССР – М.: Наука, 1991.

⁷ См. Семёнова Н. Н. Наука в системе общественного производства. – Новосибирск, 1984. – С. 62.

уменьшают масштаб описываемого ими мира. Представление о том, что благодаря науке люди расширяют свои знания о действительности, во многом является мифическим. Бесконечное восхождение ко всё новым и новым вершинам знания, о котором мечтали мыслители прошлого, сменилось ныне заботливым огораживанием локальных участков, на которых специалисты с помощью гарантированно надёжных методов строят модели отдельных фрагментов реальности, не всегда представляя себе, каким образом их можно связать в целостную картину»⁸.

Доктор психологических наук, профессор Е. А. Климов, в частности, пишет: «Существует очень много отраслей психологии ... и они продолжают развиваться. ... В итоге разные специалисты, называющие себя психологами, ныне с трудом понимают друг друга»⁹.

Например, чрезвычайно разрослась к настоящему времени математика. В результате она не только абсолютно непонятна для непрофессионалов, но не очень понятна и для многих, профессионально ею занимающихся, поскольку происходит стремительная дифференциация и специализация внутри самой математики.

А потому возможным стало длительное существование появившихся в результате изошрённой математической «эквистристики» квантовой механики, общей и специальной теорий относительности и т. п. «парадоксальных следствий» применения математики к реальности¹⁰.

«Наука, будучи побочным потомком философии, стала для неё главным ориентиром, – пишет доктор философских наук Т. Б. Любимова (институт философии РАН). – Постигание истины в её полноте отодвинулось за горизонт. Кант

⁸ Псевдонаучное знание в современной культуре (материалы «круглого стола») / Гусев С. С. Выступление на «круглом столе» в редакции журнала «Вопросы философии» // *Вопр. философии*. – М., 2001. – № 6. – С. 28.

⁹ Климов Е. А. О соотношении некоторых отраслей психологии и возможных «пограничных спорах» // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология*. – 1999. – № 3. – С. 3.

¹⁰ См. Кочетков А. В., Федотов П. В. Проявления исторического мышления в современной физике. – Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т, 2001. – 176 с.

окончательно зафиксировал это в тезисе о недоступности для разума обрести основание единства познаваемых законов природы, т. е. он фактически утверждал невозможность единой теоретической (поскольку речь идёт о законах) научной картины мира, так что наука по необходимости вынуждена пребывать в раздробленном состоянии разрозненного, фрагментарного знания»¹¹.

Однако, как утверждает М. Бунге, «изоляция какой-либо дисциплины есть верный показатель её ненаучности»¹². Канадский исследователь профессор Г. Селье пишет: «...создаются всё более сложные средства для всё более глубокого «копания» в каком-то одном месте. Разумеется, это необходимо, но... Узкий специалист теряет общую перспективу; более того, я уверен, что всегда будет существовать потребность в учёных-интеграторах, ... постоянно стремящихся к исследованию достаточно обширных областей знания. ... Среди нас должен остаться кто-то, кто будет обучать людей совершенствовать средства для обозревания горизонтов, а не для ещё более пристального взглядывания в бесконечно малое»¹³.

Поэтому вновь актуальной становится функция философии как центральной науки, занимающейся наиболее общими, наиболее важными, наиболее существенными вопросами, *обобщающей* и *синтезирующей* наиболее важные достижения частных наук¹⁴. Поэтому другой основной тенденцией

¹¹ Любимова Т. Б. Бесконечный лабиринт (философское эссе) // Полигнозис. – М., 2001. – № 4 [16]. – С. 104.

¹² Bunge M. What kind of Discipline is psychology: autonomous or dependent, humanistic or scientific, biological or sociological // New ideas in psychology – 1990. Vol. 8, – P. 121–137.;

Цит. по: Судаков К. В. Гл. 1. Теоретические основы психологической деятельности // Александров Ю. И., Брушлинский А. В., Судаков К. В., Умрюхин Е. А. Системные аспекты психической деятельности / Под общей ред. акад. РАН, проф. К. В. Судакова. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 96.

¹³ Селье Г. От мечты к открытию: как стать учёным: Пер. с англ. Н. И. Войскупской: Selye Hans. From dream to discovery: On being a scientist. New York: Arno Press, A New York Times company, 1964 / Общ. ред. М. Н. Кондрашовой и И. С. Хоррола; Послесл. М. Г. Ярошевского и И. С. Хоррола. – М.: Прогресс, 1987. – С. 13.

¹⁴ См.: Афанасьев Ю. Н. Может ли образование быть негуманитарным? // Вопросы философии. – М., 2000. – № 7. – С. 38.

развития познания можно считать путь второй, **синтетический**, по которому (отчасти) пошла **философия**: это отбор из необъятного многообразия знания наиболее важного, существенного и синтез на основе этого отобранного материала доступной отдельному человеку картины мира.

«Зачем говорить утонченности, когда ещё остаётся высказать столько крупных истин»¹⁵ – вот кредо философии как науки о наиболее общих аспектах бытия.

Доктор философских наук Б. Н. Князева пишет: «Чем шире охват и выше уровень рассмотрения, тем менее различимы конкретные детали. А они-то и составляют предмет научного исследования в большинстве дисциплин»¹⁶. Однако детали деталям рознь.

Так, профессор А. А. Мигولاتьев пишет: «*Интегрирующая функция* философии заключается в её имманентной способности объединять, синтезировать знания, добытые частными науками в целях получения более общего знания, освобождённого от деталей, подробностей, носящих принципиальный, временный и местный характер»¹⁷.

«Знания о мире, добываемые современной наукой, – пишет доцент кафедры философии Московского авиационного института Е. Ю. Бельская, – настолько сложны и изложены столь специфическим языком, что почти недоступны обыкновенному человеку, а между тем сегодня, как и тысячи лет назад, в мировоззрении человека важное место занимает целостное представление о мире – о природе, о Вселенной и месте в ней человека»¹⁸.

Не случаен в связи с этим интерес, проявленный в 60-е гг. XX в. к понятию «картина мира». Одна из обсуждавшихся трактовок представляла картину мира как про-

¹⁵ Толстой Л. Н. Дневник III–V. 1851 г. // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений / Лев Толстой – Репринт. воспроизведение изд. 1928–1958 гг. – М.: Изд. центр «Терра», 1992. – Т. 46: [Дневники, 1847–1854 / Ред. А. С. Петровский]. – 1997.

¹⁶ Князева К. Н. Саморефлективная синергетика // *Вопр. философии* – 2001. – № 10. – С. 102.

¹⁷ Мигولاتьев А. А. Философия. Её роль в жизни общества // *Социально-гуманитарные знания*. – 2001. – № 1. – С. 62.

¹⁸ Бельская Е. Ю. Информационная составляющая в генезисе картины мира // *Полигнозис*. – 2001. – № 1. – С. 26.

межуточное звено между знаниями о мире, полученными фундаментальной наукой, и их изложением на языке, доступном неспециалисту, отражением этих знаний в мировоззрении людей, созданием целостного образа мира.

«...Картины мира, сменяющие друг друга в истории человечества, представляют собой важные звенья в цепи последовательных попыток познания природы. ... Представления человека о мире изначально не ограничивались знанием отдельных фактов, а тяготели к целостному восприятию природы, т. е. составляли некую картину мира»¹⁹.

Проблема синтеза знаний возникла не сегодня. Уже в античности предпринимались попытки соединения различных взглядов и подходов. Такой подход к знанию, получивший название «эkleктика», традиционно оценивается отрицательно. Это связано с тем, что эkleктизм, как правило, отождествляется с механическим, чисто внешним соединением разнородных взглядов, точек зрения, теорий, с подменой одних логических оснований другими, нарушением принципа целостности того или иного учения, что само по себе достойно осуждения, но может также использоваться как своеобразный аргумент против новаций, особенно при догматическом отношении к господствующей доктрине.

Борясь против эkleктики, нередко «вместе с водой выбрасывали и ребёнка» – попытки объединить, синтезировать различные теории, подходы, точки зрения. Эkleктика – это «оборотная сторона медали», «лицевая» же её сторона – это необходимый на некотором этапе познания синтез знаний.

Именно потому Д. Дидро написал: «Эkleктик – это философ, который решительно отбрасывает предрассудки, традиции, предания, господствующие мнения, авторитеты – всё то, перед чем склоняет голову большинство людей, и отваживается потому думать самостоятельно...»²⁰.

¹⁹ Бельская Е. Ю. Информационная составляющая в генезисе картины мира // Полигнозис. – 2001. – № 1. – С. 26.

²⁰ Дидро Д. Эkleктизм // Осадная башня штурмующих небо. Избранные тексты из Великой французской энциклопедии XVIII в. – Л.: Дет. лит. Ленингр. отделение. 1980. – С. 61.

Эклектизм здесь рассматривается положительно, как форма самостоятельного мышления, преодоления стереотипов и догм, стремление синтезировать различные взгляды, чтобы обогатить себя и саму идею. Однако, с методологической точки зрения, опасность механического соединения идей, подмены оснований и содержания терминов, поскольку они переносятся в другой контекст, остаётся. Это должно быть предметом особого внимания при соединении различных концепций, их диалоге²¹.

Современная философия даёт достаточно тому примеров. В частности, это известный опыт «прививки герменевтики на феноменологию» П. Рикёра или его сочетание семантического, прагматического и этического уровней при конструировании значения термина «Я»²². Это опыт К. -О. Апеля в работе «Идея языка в традиции гуманизма от Данте до Вико»²³, где он ставит перед собой задачу соединить рациональные идеи диалектики, трансцендентальной философии, феноменологии, герменевтики с аналитической философией языка.

Важнейшим условием преодоления механического эклектизма является пронизанность различных подходов, используемых философом, единой идеей. Так, разносторонность духовной деятельности Ж.-П. Сартра, граничащая со всеядностью синтетизма его философских сочинений, могла быть истолкована как механический эклектизм, если бы все его работы не пронизывала одна главная идея – человеческая свобода, которая и сообщает единство всему философскому синтезу концепции Сартра²⁴.

Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИФ РАН Е. Н. Князева пишет: «Если мы хотим просле-

²¹ См. Микешина Л. А., Опенков М. Ю. Новые образы познания и реальности. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 42–44.

²² См. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995; Рикёр П. Человек как предмет философии // *Вопр. философии*. — М., 1989. – № 2. – С. 41–50.

²³ См. Apel K. *O Die Idee der Sprache in der Tradition des Humanismus von Dante bis Vico*. Bonn. 1963.

²⁴ См. Филиппов Л. И. Философская антропология Жана-Поля Сартра. – М.: Наука, 1977. – С. 16.

доть ход изучения ... сложных феноменов в истории науки, то последняя предстаёт перед нами историей сближения научных дисциплин и ломки границ между ними, трансдисциплинарного переноса понятий и когнитивных схем, формирования дисциплин-гибридов. Как отмечает Эдгар Морен, «если официальная история науки является историей дисциплинарности, другая история науки, связанная с первой и неотделимая от неё, является историей интерполи-трансдисциплинарности»²⁵.

Именно холистическая тенденция определяет характер науки будущего, где, судя по всему, будет усиливаться интеграция научных дисциплин на полях полидисциплинарного исследования и обретать особую ценность способность учёных нелинейно и целостно мыслить. Поэтому одной из задач перестройки систем современного образования всех уровней является развитие *холистического мышления*, формирование умения понимать широкий, или иногда даже и глобальный, *контекст* исследуемой проблемы, т. е. *умения контекстуализировать знание*.

Тренировать холистический, а не аналитический, взгляд на мир становится насущной потребностью современной науки. «Думай глобально, чтобы успешно решить свою частную и локальную проблему!» – вот лозунг сегодняшнего дня»²⁶.

Роль философии как синтетической науки не отменяет других направлений философского исследования и тем более не покушается на огромное многообразие интеллектуального поля человечества. Ещё Декарт писал: «Все науки настолько связаны между собою, что лучше изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих»²⁷. С тех пор и наук, и накопленного ими мате-

²⁵ Morin E. La tete bien faite. Repenser la reforme? Reformer la pensee. Paris: Editions du Seuil. 1999. P. 129.

²⁶ Князева Е. Н. Трансдисциплинарные комплексы знаний: синергетическая мудрость в образовании // Полигнозис. – 2001. – № 2. – С. 66.

²⁷ Декарт Р. Правила для руководства ума. – М. -Л., Соцэкгиз, 1936.

риала стало так много, что выполнить эту рекомендацию Декарта стало невозможно.

Однако синтез доступной среднему человеку со средним интеллектом картины мира, включающей наиболее важные факты, явления и проблемы окружающей человека действительности – важнейшая антропологическая, культурная и интеллектуальная задача именно философии, поскольку именно для философии такая задача является традиционной, и именно философия лучше любой другой науки подготовлена всем предшествующим ходом развития к её решению.

Философия с самого своего возникновения стремится изучать мир в наиболее важных, существенных его чертах, в отличие от науки, которая стремится, в принципе, постигнуть всё во всех самых мельчайших подробностях. Наука – явление социальное, возможное лишь в результате разделения труда и разбиения мира на изучаемые отдельными науками множество сфер, областей, тем, проблем и других более мелких частей.

Философия же – наука по-прежнему авторская, поскольку она ориентирована на отдельного человека с его ограниченными по сравнению с научными коллективами возможностями познания. И потому здесь познаётся в основном наиболее важное, общее, существенное. Мир в философии «сворачивается» до объёма, способного «уместиться» в отдельно взятой человеческой голове. Поэтому философия – в идеале – самая «человечная» из наук, самая «антропологичная», «человекоориентированная».

Профессор С.-Петербургской кафедры философии Российской академии наук С. С. Гусев пишет: «...если нельзя показать, что мир есть нечто единое и целое, поскольку никому не удалось выявить правила, по которым он построен, то, разбирая его на части, можно увидеть, что он всё же *был* чем-то целым»²⁸.

²⁸ Гусев С. С. Эволюция философских идей: путь к XXI в. // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия: Сб. статей / Редкол.: А. И. Бродский и др. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1997. – С. 19.

Кстати говоря, ««системность мышления», стремление к построению широких обобщающих конструкций академик Н. Н. Моисеев относил к одной из «русских» традиций. Если наши первые немецкие учителя XVIII века приучали своих русских учеников прежде всего к тщательности конкретных исследований и дали им необходимые для этого культуру и навыки, то уже первые самостоятельные русские исследования вышли из-под опеки традиций немецкой школы. Они оказались связанными с попытками построения синтетических теорий. Жизнедеятельность Лобачевского и Менделеева является тому прекрасным примером. И первая систематическая критика классического рационализма как научной позиции также прозвучала из России...»²⁹.

Некоторые учёные, например, профессор А. С. Хоцей (г. Казань), вообще системность, полноту охвата теорией известных фактов относят к основному признаку научности: «...наука как деятельность есть, в конечном счёте, процедура обобщения реальности, а наука как свод знаний – сумма обобщающих суждений. ...Разные обобщения отличаются лишь по полноте, и в этом смысле в рамках конкретной ситуации более ... научными являются те, что более полно охватывают известные на данный момент человечеству факты. Степень научности есть количественный показатель...»³⁰.

Первоначально философия была единственной наукой и включала в поле своего познания все достойные внимания проблемы. Однако постепенно круг вопросов, исследуемых философами, расширялся. В этот круг стали входить всё новые и новые предметные области.

По мере накопления материала эти предметные области становились всё более обособленными и, после достижения некоего критического уровня, превращались в самостоятельные науки, у философии же предметная область, изучаемая этими науками, как бы «отнималась»: «Что должно входить в компетенцию философии – об этом может ска-

²⁹ Моисев Н. Н. Расставание с простотой. – М.: Аграф, 1998. – С. 38.

³⁰ Хоцей А. С. Теория общества. Философская проза. II том: Становление бюрократии. Цивилизации. – Казань: Изд-во «Матбугат йорты», 2000. – С. 233.

зять только её история; – и она говорит философии, что прогресс состоит в сужении сферы её компетенции: история философии является историей редукции предметной области философии»³¹.

Такое «размножение наук путём почкования»³² сначала от философии, а затем и от самих наук продолжается и поныне. В связи с этим научная парадигма стала господствующей и в философии: «... философии оставалось либо признать свою архаичность и уйти вместе с религией в небытие, либо принять ту познавательную парадигму, которая стала исходным методологическим принципом науки – нарастающую и не знающую предела дифференциацию познания, которое стремится быть всё более глубоким, а значит, всё более узким, частным, фрагментарным, осколочным»³³.

Философия стала одной из наук. И как у всякой уважающей себя науки у философии должен быть свой *предмет*, своя *область исследования*, поскольку определяющей характеристикой, служащей основой идентификации той или иной науки, является именно предметная область, которой она занимается.

На долю философии остались следующие основные сферы исследования:

- во-первых, исследование вновь возникающих проблем и предметных областей, «не застолблённых» ещё какими-либо частными науками – с возможным последующим оформлением этой новой предметной области в самостоятельную науку, а также, хотя и в меньшей степени, исследование межпредметных областей, по тем или иным причинам выпадающих из поля зрения частных наук;

- во-вторых, «вечное возвращение» всё новых и новых поколений философов к осмыслению вечных, неразрешимых до конца проблем бытия, познания, человеческого су-

³¹ Marquard, Odo: Abschied vom Prinzipiellen: Philosophische Studien. Stuttgart 1995. Philipp Reclam jun. GmbH & Co, S. 24; см. также S. 23–38.

³² Горохов В. Г. Особенности анализа становления и развития технической теории // Философия, наука, цивилизация. / Под ред. В. В. Казютинского. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 204.

³³ Каган М. С. Философия как мировоззрение // Вопросы философии. – 1997. – № 9. – С. 38.

ществования и других наиболее общих онтологических, гносеологических, социальных явлений: «... философия, познавая сущее, каждый раз, вновь и вновь возвращается к истокам, вечным истинам и ценностям»³⁴;

- и в третьих, как мы уже отмечали, отбор из необъятного многообразия знаний наиболее важного, существенного и синтез на основе этого отобранного материала доступной отдельному человеку картины мира.

Как мы видим, предметная область философии имеет множество пересечений с оформившимися самостоятельными науками, кроме того, она слишком размыта и потому не удовлетворяет общепринятым в науке критериям идентификации по предметной области.

Кроме того, философия весьма существенно отличается от науки и по методологии. Основным критерием, по которому то или иное интеллектуальное предприятие относят к науке или не-науке, является научный метод. Наука основана на *эмпирическом исследовании*, на возможности (хотя бы в отдалённой перспективе) подвергнуть выдвигаемые в той или иной науке гипотезы эмпирической верификации или фальсификации³⁵.

Философия же, во-первых, традиционно занимается наиболее общими вопросами познания и бытия, уровень обобщения которых настолько высок, что практически не соприкасается с конкретными эмпирическими реалиями.

Во-вторых, философия в результате прогресса науки оказалась вытесненной на научные окраины (или, что то же самое, – на передний край науки, на её горизонт). В силу этого философия зачастую вынуждена заниматься такими проблемами и строить для моделирования и разрешения этих проблем такие теоретические конструкции, эмпирическая проверка которых в обозримой перспективе маловероятна.

³⁴ Михайлова Л. Л. Философия. Ее роль в жизни общества // Социально гуманитарные знания. 2001. – № 1.

³⁵ См., например: Кун Т. Логика открытия или психология исследования? // Философия науки. Вып. 3. Проблемы анализа знания. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 26.

Именно эта особенность, – оторванность от эмпирически верифицируемых реалий и в силу этого более свободное отношение к своим теоретическим построениям, – на наш взгляд, и является важнейшей идентификационной характеристикой философии.

Как отмечал ещё Дж. Локк, «...мы живём не только в лучах ясного знания, но по большей мере в «сумерках вероятности»»³⁶. «Философия есть ... отказ от узнанного, научно освоенного мира, вытоптанного и наскучившего, равнозначный расширению границ мира. Это – выход за пределы мира науки..., прорыв в неизвестность»³⁷. «Философия, – писал Б. Рассел, – представляет собой размышление о таких предметах, точное знание о которых ещё невозможно»³⁸. В связи с этим, поскольку философ находится «на переднем крае» исследования «вечно актуальных» и вновь возникающих проблем, то философское знание – это «знание особого рода, отмеченного взвешенностью между достоверностью и недостоверностью»³⁹.

В своих теоретических построениях философы, как правило, стремятся придерживаться научных методов, однако, ввиду того, что все предметные области, доступные экспериментальному исследованию, закреплены за частными науками, они вынуждены заниматься преимущественно проблемами, которые в настоящее время не могут быть подвергнуты эмпирической верификации и фальсификации. В силу этого философия более гипотетична, чем остальная наука, поэтому в ней, помимо научных признаков, часто встречаются признаки, присущие скорее научной фантастике и различным паранаукам.

³⁶ Цит. по: Психология XXI века: пророчества и прогнозы («круглый стол») / Текст выступления доктора филос. наук, проф. Д. И. Дубровского // *Вопр. психологии*. – 2000. – № 1. – С. 15.

³⁷ Гусейнов А. А. Философия: между знаниями и ценностями // *Философские науки*. – 2001. – № 2. – С. 55–56.

³⁸ Рассел Б. *Искусство мыслить*. – М, 1999. Цит. по: Лесков Л. В. Философия нестабильности // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. Философия*. – 2001. – № 3. – С. 49.

³⁹ Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. – М.: Республика, 1993. – С. 341. См. также: Рачков Н. А. Философия и философствование: синонимы или омонимы // *Вестн. Моск. ун-та. Серия 7. Философия*. – 2000. – № 1. – С. 3–18.

Вообще говоря, в вопросе о сущности философии единого мнения не существует. Так, профессор Т. Котарбинский (в 1957–1963 гг. – председатель Польской Академии Наук) выделял «четыре обобщающие концепции философии: философия как взгляд на мир, как конструкция идеала, как путь самопознания и как критика знаний»⁴⁰. Нет согласия и в вопросе о том, наука ли философия, хотя большинство профессиональных философов считает, что всё же – наука.

Впрочем, тезис о том, что философия – наука, давно и небезуспешно оспаривается: «... философия может быть определена сугубо негативно как то, что не является ни наукой, ни религией»⁴¹. Во всяком случае, научная практика всё в большей степени склоняется к тому, чтобы относить философию скорее к явлениям культуры, нежели науки.

Косвенным подтверждением этой мысли может служить параллель между литературой и философией с одной стороны, и литературоведением и «философиеведением» – с другой. Р. М. Фрумкина пишет: «Традиционное литературоведение строит своё предметное поле вокруг двух типов объектов: это определенный круг авторов и созданные ими тексты»⁴². Подобно тому, как есть литература и литературоведение, и научные степени присуждаются не за литературные, а за литературоведческие труды, так и философия фактически разделилась на философскую литературу (собственно философию) и «философиеведение» (история философии и философская критика). Так, издающийся в Штутгарте (ФРГ) журнал «Философское обозрение» (*Philosophische Rundschau*) имеет подзаголовок «Журнал философской критики». И научные степени в области философии присваиваются, как правило, именно за философскую критику, а не за оригинальные философские труды.

⁴⁰ См. Kotarbinski T. *Kultura filozoficzna // Wiedza i zycie*. 1935. № 6. Цит. по: Домбровский Б. *Философская система Т. Котарбинского // Логос*. – 1999. – № 7 (17). – С. 11.

⁴¹ Гусейнов А. А. *Философия: между знаниями и ценностями // Философские науки*. – 2001. – № 2. – С. 55.

⁴² Фрумкина Р. М. *Лингвистка: самосознание гуманитарной науки*. Ч. 2. *Лингвистика и методология // Человек*. – 2001. – № 1. – С. 24.

Объясняется это тем, что «философиеведение», по крайней мере, имеет чёткий предмет исследования, в отличие от собственно философии, у которой своего предмета фактически уже не осталось, – почти все некогда философские области «разобраны» и «приватизированы» частными науками. Кроме того, философия лишь с большой натяжкой может быть отнесена к науке и по таким критериям научности, как доказательность, логическая выстроенность, верифицируемость, фальсифицируемость и др.

Поэтому философы сегодня (как, впрочем, и всегда) собственно философией занимаются преимущественно «для души», материалом же для научного исследования (в узком смысле этого слова) и получения соответствующих научных степеней служит история философии и философская критика, поскольку здесь, по крайней мере, имеется достаточно чёткий предмет исследования: конкретные авторы и их конкретные произведения.

Таким образом, можно констатировать, что с точки зрения, например, представителей естественных наук, философия критериям научности не отвечает. Впрочем, не вполне отвечают этим критериям и многие другие гуманитарные («неестественные») науки. И всё же философия ближе, пожалуй, даже не к этим гуманитарным наукам, а к такому феномену культуры, как литература. Критериям же научности в наибольшей степени отвечают такие разделы философии, как история философии и критическая философия («философиеведение»), которыми и занимается большая часть прагматически настроенных учёных-философов и преподавателей философии.

Итак, философия есть, во-первых, предвестник науки, её авангард, поскольку философия первой приступает к исследованию проблем, для полноценного научного исследования которых ещё не сложились условия.

Затем, по мере складывания этих условий, возникают науки, занимающиеся изучением определённого круга проблем и предметных областей.

И в связи с этим следующая функция философии – это сведение воедино результатов, полученных отдельными науками, их обобщение и синтезирование из них более или менее целостной картины мира.

Таким образом, основной сферой исследования философии (не путать с «философиеведением»), её важнейшим «предметом», является весь мир, взятый в наиболее существенных его чертах: «В русле гносеологического направления вызрела популярнейшая версия решения проблемы единства знания, исходящая из тезиса о решающей роли философии в интеграции знания. ... Ориентация на философию ... представляется ... вполне естественной, согласующейся с её сущностью...»⁴³.

Это, так сказать, итог, результат философского синтеза, его глобальная цель. Эта функция философии позволяет назвать её «арьергардом» науки, её завершением.

И, наконец, ещё одна функция философии, как бы «промежуточная» между двумя вышеназванными, – это функция «наведения мостов» между всё более и более разобщающимися научными дисциплинами.

«Наведение мостов» – непростая задача, ибо «работать в междисциплинарной области опасно – всегда можно попасть под удар со стороны представителей монодисциплинарного знания: их локальная эрудиция будет выше эрудиции полидисциплинарного исследователя»⁴⁴.

Таким образом, все эти три функции философии достаточно уязвимы с точки зрения классической науки. И всё же, если бы философия не выполняла эти функции, познание очень многое бы потеряло с точки зрения новизны (расширения горизонта познания на новые, неисследованные ещё области), завершённости и целостности. Поэтому, пусть не вся философия может быть однозначно отнесена к науке, но

⁴³ Солонин Ю. Н., Дудник С. И. Философия в движении от классического к современному образу // Мысль: Философия в преддверии XXI столетия: Сб. статей / Редкол.: А. И. Бродский и др. – СПб.: Издательство С.-Петербургского университета. 1997.–С. 43.

⁴⁴ Налимов В. В. Канатоходец. Воспоминания. –М.: Прогресс, 1994. – С. 282–283.

она, бесспорно, является таким явлением культуры, без которого научное познание являлось бы в чём-то неполноценным, дискретным и незавершённым.